

ТРАГЕДИЯ В МОЮНКУМСКИХ СТЕПЯХ (ПО РОМАНУ Ч.АЙТМАТОВА «ПЛАХА»)

В статье автор анализирует проблемы взаимоотношения человека и природы. Большое место в ней отводится социально-этическим вопросам.

Экологические проблемы, которые поднимает Ч. Айтматов в романе «Плаха», в жизни нашей предстают как вопросы социальной практики. И решаются прагматически: ежедневное взаимодействие человека с природой. Но в «Плахе» затронутый вопрос решается и в другой плоскости. Писатель стремится постичь проблемы экологические прежде всего как проблемы состояния души человеческой. Разрушение природного мира, его гармонии оборачивается опасной деформацией человека, личности, причем во всех ипостасях. То, что произошло в Моюнкусской саванне, это срез с нашей реальности. И в то же время - некая модель того, как проблема именно глобального, а не местного значения возникла на рубеже XXI века перед всем человеческим сообществом. Именно это и надо осознать по возможности четко и ясно, так как отдельные мотивы, сюжеты, сплетенные в романе воедино, могут быть верно поняты и оценены только в зависимости от целостного восприятия. Иначе роман, как указывалось в некоторых статьях, распадается на якобы вполне самостоятельные зоны. Если и связанные между собой, то не единством авторской мысли, а лишь по принципу коллажа. Однако он не сопоставим с коллажем. Конечно, роман построен сложно, неординарно, в процессе чтения требует быстрой «перестройки» читателя. Текст движется в нем не плавно, а толчкообразно. Меняются тональность, колорит, интонационные доминанты. На это обращают внимание и некоторые критики, в частности, Г.Гачев: «Айтматов - симфонист, работает блоками, крупными массивами, пластами вороочает, и связи тут не линейно-сюжетные, а переклички интонационные, тембровые и фактурные... Тут Аллегро Первой части, Анданте - Второй: длительная медитация, замедленная, и видения там, созерцания; и Аллегро, Престо, даже и стретта финала, где все неудержимо стремится свалиться в бездну» [1]. Перепады эти настолько выразительны, что целое романа постоянно подвергается испытанию на прочность. Как отмечает сам писатель, задуман был «... большой синтетический роман «Круговращение», который должен был вобрать в себя и историю Авдия Каллистратова, и историю семьи волков, и многое другое. Воплотить - соединить разные сюжетные линии, разные времена в единое целое оказалось очень сложно. Я решил историю Авдия написать отдельно, полагал, что будет небольшая повесть, но она подверглась саморазвитию» [2]. Конечно, принцип авторского проникновения в психологию Бостона, а с другой стороны, во внутренний мир «гонцов»-анашистов или Авдия Каллистратова, разный. Этого нельзя просто не заметить. Тем не менее единство авторской позиции, авторской мысли в романе есть. Именно это и надо переосмыслить в первую очередь.

Многие считают, что ключ к пониманию романа в руках Авдия. Безусловно, значение этого образа и возникающих в этой связи проблем нельзя уменьшать. И как бы ни была весомой, общественно значимой эта проблема, она все же только часть произведения. По особому актуальная для современного духовного состояния, она таки не превалирует, а подчиняется общему замыслу романа. Как мы помним, он начинается темой волков, затем перерастающей в тему гибели Моюнкумской саванны. Гибели по вине человека, врывающегося в саванну как преступник, как хищник, нарушая естественную природную среду обитания волков. Что и предопределяет в дальнейшем единоборство волчицы Акбары с человеком. Этим столкновением роман завершается. В финальном, трагически разрешающемся, противоборстве зверя с человеком - итог всего повествования. Такова его композиционная структура. И здесь примечательно то, что казалось бы, знакомым мотивам придана новая мера остроты и поэтической, философской обобщенности. Волки не просто очеловечены в «Плахе», они, исходя из полемических замыслов автора, наделены той высокой нравственной силой, благородством, каких лишены люди, противопоставленные им в романе. Именно в Акбаре и Ташчайнаре метафорично заложено то, что исконно присуще человеку. Чувство любви к детям, тоска по ним, верность друг другу, самоотверженность. Недаром Акбара наделена даже даром памяти. Она постоянно несет в себе образ беды, постигшей ее род. И именно эта стонущая, тоскующая память заставляет ее неотступно преследовать Бостона. Пока ее связи с миром, который был дан ей природой, как естественная среда обитания, не были нарушены, Акбара смогла, встретив в степи полуголого, беспомощного человека, отпустить его. Теперь загнанная в тупик, отчаявшаяся и гневная, охваченная жадой возмездия, она обречена на борьбу с человеком. И в этой схватке только один исход: гибель самой Акбары, а затем и гибель человека. Хотя личной вины перед Акбарой у Бостона нет.

Но он должен принять на себя ответственность и за Базарбая, который является его нравственным антиподом, и за воинство Обер-Кандалова, чье моральное вырождение, коррозия души не наказуются, а оплачиваются. Вот в чем истинная суть ситуации. Ее трагическая парадоксальность. Не может быть понята на индивидуальном, личном уровне драма Бостона. Бостон олицетворяет ту самую нравственную норму, ту естественную человечность, которая нарушена и осквернена в Базарбае. Это противопоставление опять-таки имеет не только личностное значение, как и те три убийства - сына, Акбары, Базарбая, - которые совершает Бостон. Все они обусловлены прежде всего необходимостью, имеющей значение надличностное, не зависящее от воли отдельного человека. Как этого и требует высокий жанр трагедии.

Трижды пролив кровь, Бостон понимает: он и самого себя убил этими тремя выстрелами. Убил мир, который «до сих пор заключался в нем самом». Мощно наращивая эмоциональный, философский диапазон повествования, Айтматов именно тут выходит на вершину своего замысла. «Бостон - пишет автор, - был и небом, и землей, и горами, и волчицей Акбарой, великой матерью всего сущего..., и Базарбаем, отвергнутым и убитым в себе». Ведь «все, что он видел и что пережил на своем веку, - все это было его вселенной, жило в нем и для него». И весь этот мир отныне будет существовать без него. И только его собственный мир,

«... неповторимый, невозобновимый, утрачен и не возродится ни в ком и ни в чем. Это и была его великая катастрофа, это и был конец его света...» [3].

Начало же этой трагедии было там, в Моюнкумах, где по чьему-то скрепленному авторитетными печатями плану было нарушено естественное течение жизни, естественный порядок вещей. Айтматов видит эту ситуацию, как и все, что происходит в романе, в двух измерениях: и как следствие грубых ошибок, совершаемых в экономической и хозяйственной областях, и как проявление экологического, нравственного кризиса, идущего в разрез обществу. Начавшись как обычное проявление чиновничьего головоуятия, ситуация, им порожденная, затем с неизбежной силой обнаруживает заключенный в ней общечеловеческий драматизм. Нарушая исконное равновесие, баланс во взаимоотношениях человека с природой, которое как норму, как закон ощущает в романе Бостон. А это ведет к тому, что на авансцену выходит агрессивный, социально опасный тип-индивидуум, готовый на любой авантюризм, лишь бы хорошо платили. И под этим углом Базарбай - лицо, по-особому интересующее Айтматова, лицо осквернителя исконных человеческих ценностей и норм. Но не по своей натуре, а лишь потому, что жизненная норма оказалась нарушенной. Он выступает, как следствие искажений нравственного закона, допущенных в существующей действительности.

Роман «Плаха» на протяжении всего своего «прочтения» обращается к нашей культурной памяти. И открыто довлечет в сторону бытийной злободневности. Причем архаическое и современное даются здесь в такой неразделенности, что читая роман, все время чувствуешь, как касаешься одного края исторической цепи, а отзывается она тебе вся. Прошлое не может умереть и развеяться в беге времени. Оно лишь трансформировалось в сложном и противоречивом опыте, накопленном человеком за 20 веков новой истории.

Как показали отклики, охватить роман во всей его многоплановости нелегко. Мешают восприятию и репортажная беглость, и некоторая скоропись в подаче и решении затронутых проблем, что существенно повлияло на его органичность. Роман несет на себе явные следы трудной борьбы автора с материалом, с теми центробежными, полярными силами, которые столкнулись на его страницах, и поэтому еще долго будут вызывать споры. Но то, что он по-своему один из самобытных духовных проявлений нашей современности, все же не может не быть оценен и принят. Это произведение «откровение автора, его кровь и мысль». Писатель видит и осознает «реальное положение вещей», предостерегает тех, кто этого еще не ощутил. Именно поэтому мы будем возвращаться к нему в литературных спорах, в раздумьях о нашей действительности и порожденных ею социально-этических проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г. Гачев. Чингиз Айтматов. (В свете мировой литературы). - Бишкек: Адабият, 1989. - С. 456.
2. Чингиз Айтматов. Цена - жизнь. «Литературная газета», № 33, от 13 августа 1986 г.
3. Ч. Айтматов. Роман «Плаха». Бишкек, «Кыргызстан», 1987 г., -С. 304.